

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
I ИСПАНИЯ ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: <i>от «революции сверху» к отрицанию ее результатов (реформаторство — компромиссы — традиционализм)</i>	23
§ 1. Хозяйственная политика и активизация социально-экономических отношений	23
§ 2. Социально-политические реформы: авторитарность и либерализация	33
§ 3. Образование и культура: театр, литература, периодическая печать	49
II Г. М. де ХОВЕЛЬЯНОС — <i>идейно-нравственное выражение испанского Просвещения</i>	64
§ 1. Становление. «Севильский» период	64
§ 2. «Мадридский» период.	71
§ 3. Первая и вторая «хихонские» ссылки. Педагог, социальный мыслитель, министр	79
§ 4. Заточение на Мальорке. Патриот, политический философ, «отец нации»	92
III ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ	106
§ 1. Восприятие теологии и схоластики. Отношение к науке и философии прошлого и к философии современников	106
§ 2. Деизм и пантеизм	121
§ 3. Концепция познания	136
§ 4. «Естественная» и христианско-католическая этика	154
IV СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ	181
§ 1. Происхождение общества и государства.	181
§ 2. Трактовка вопросов свободы, равенства, братства	192

§ 3. Проблема революции и реформ — абсолютное выражение теоретических противоречий Ховельяноса	202
§4. Понимание политики социально-экономических реформ и их концептуальная основа	216
§5. Политико-правовая реформа	243
а) «Испанская конституция»: ее источники и эволюция	243
б) Конституционно-парламентский проект	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	279
ПРИЛОЖЕНИЕ	287
1 G. M. de Jovellanos. МЕМОРИЯ об общенародном образовании, или теоретико-практический трактат по педагогике	289
2 G. M. de Jovellanos. ДОКЛАД для Генеральной хунты коммерции и финансов О необходимости свободной практики производств	319
3 G. M. de Jovellanos. ПРОЕКТ Мадридского Экономического общества для Королевского Высшего Кастильского Совета об Аграрном Законе, составленном от имени Хунты, ответственной за его подготовку (а).	343
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	421

Пристрастившийся к чтению самых разных книг новой порочной направленности и этой пагубной философии, он столь громко заявил о себе в означенном деле, что его можно считать одним из заправил или главарей партии тех, кого называют Новаторами.

Из анонимного доноса. 1800 г.

Политика — не есть наука... ее максимы могут быть всегда бесспорными в теории, но мало когда на практике.

Г. М. де Ховельянос.
Письма. Лорду Хоуланду.

ВВЕДЕНИЕ

Гаспар Мельчор де Ховельянос (1744—1811) — выдающийся испанский мыслитель XVIII в., олицетворивший собой наиболее зрелый круг идей национального Просвещения и его реформаторской сущности.

XVIII век — время существенных перемен в общественной жизни Испании. «Разум против традиции — одна из характерных его особенностей»¹. Именно тогда в королевстве наметился «научный... политический и религиозный раскол», выявилась «ориентация на будущее»².

Интеллектуально-теоретической констатацией происходивших в стране процессов явились возникновение и функционирование идеологии Просвещения, отразившей, в свою очередь, кризис феодального общества в испанском его варианте и предлагавшей пути выхода из него. Выступая в общем потоке европейского антифеодального просветительского движения, испанское Просвещение, означая собой, по универсальному, в сущности типическим образом сформулированному определению Х. Ортеги-и-Гассета, «стремление к коренному пересозданию», «радикальный реформизм»³, также выразило себя как течение, объективно направленное против устоев феодального общества.

Европейское Просвещение — наиболее влиятельное течение философской и общественно-политической мысли переходной от феодализма к капитализму эпохи — представляет

¹ Encinas J. de. La tradición española y la revolución. Madrid. 1958. P. 17, 18.

² Fraile G. Historia de la filosofía española. Madrid. 1972. V. II. P. 8.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Гойя и народное // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 531; его же: Гойя // Дегуманизация искусства. М., 1991. С. 587. См. также оценки Просвещения В. И. Лениным, к которым традиционно в советский период истории обращались исследователи для выяснения и подтверждения своих рассуждений о существовании этого течения философской и общественно-политической мысли: Ленин В. И. Соч., т. 2. С. 519, 520.

собой одновременно идеологическое обоснование буржуазных революций или реформ.

Отличительной чертой духовного существа его теоретиков была не подверженная сомнениям вера в «мыслящий рассудок» как великую преобразующую силу общества, — антитеза религиозной вере. Стремление высвободить науку и философию от всеобъемлющей зависимости церкви, ее авторитарности и схоластики. Преимущественно средствами образования и воспитания, развития, то есть человеческого разума и совершенствования нравственности, эмансипировать личность от становившихся нежизнеспособными феодальных общественных стандартов. Пересоздать в итоге социальные реалии на основе заложенных в человеке самой природой принципов бытия, неотъемлемых его естественных прав, приоритетное значение в ряду которых отводилось праву частной собственности.

Просветительская идеология — не только обращение к разуму как основе социального прогресса, но и энциклопедичность разума, знаний, многосторонняя система теоретических построений, представленных самым различным образом в индивидуально-авторских идейных и смысловых сочетаниях, — характеризовалась внутренней концептуальной сложностью и многообразием внешних форм. В любой из европейских стран она наряду со сходными или родственными идеями имела «собственные», присущие только ей, тот или иной «мыслительный материал», производный от конкретно-исторического развития, «эмпирических обстоятельств» и т.д., и определивший, в свою очередь, ту или иную логику умозаключений и в целом — теоретическую сущность.

Просветители работали не в одинаковой, во многом отличной друг от друга общественно-политической и интеллектуально-нравственной обстановке. Это порождало значительное несходство задач, которые они делали предметом своего рассмотрения или решения, заостря внимание в дополнение к ним на становившейся актуальной по мере распространения французского, прежде всего, влияния национальной проблематике.

Вместе с тем общая всем просветителям убежденность во всесии разума, первостепенной его роли в определении и реализации путей истории, вера в преобразующие способности науки и морали, образования и воспитания, при отсутствии

в большинстве европейских стран достаточно развитого «третьего сословия», во многом обусловили и преобладающую умеренность воззрений мыслителей. Характерную для них, за редким исключением, идею о возможности реформирования общества «сверху», с помощью разумных политических средств «просвещенной монархии».

Подобно всем другим идеологическим течениям, Просвещение в целом и его национальные варианты в частности связаны были с предшествовавшими им и следовавшими за ними этапами развития общественной мысли. Они испытывали те или иные внутренние и внешние идейные влияния, перерабатывая и вбирая в себя наиболее приемлемые из них, формируясь и развиваясь, в своей основе, под воздействием локально-местных экономических и политических условий бытия.

Испанское Просвещение, в отличие главным образом от французского, объективно нацеленного на устранение феодализма и его политической опоры — абсолютной монархии, — пользовалось поддержкой «просвещенного абсолютизма», прежде всего в лице Карлоса III¹ (1716; 1759—1788), всячески способствовавшего реализации усилий разделявших его взгляды деятелей по выполнению планируемой им реформы системы феодальных отношений.

Развитие и специфика испанского Просвещения определялись в первую очередь относительно незначительным экономическим и политическим весом и, следовательно, влиянием национального «третьего сословия» в обществе. Испанский абсолютизм Габсбургов мало содействовал укреплению этого сословия, будучи связанным с классом феодалов намного прочнее, чем это исторически сложилось в Англии и Франции. Результатом явилось ослабление государства до такой степени, что Испания на пороге Нового времени должна была заплатить за колонизацию заокеанских территорий полуторавековым экономическим упадком, обретя, по существу, статус зависимой страны от прогрессирующих в буржуазном направлении держав².

¹ Имена испанских королей даются в соответствии с испанским образцом написания, а не с традиционно установившимся, но неоправданным.

² О различных точках зрения на причины экономического упадка в Испании и мерах по выходу из него, предлагавшихся национальными эконо-

В сложившейся таким образом, чреватой угрозой национальным интересам ситуации «просвещенный абсолютизм» Карлоса III переставал всецело быть политическим инструментом традиционной аристократии. Как следствие идеология испанского Просвещения акцентировала внимание общества, но главным образом высших его слоев, на необходимости развития «третьего сословия» в целях упрочения государственности «просвещенного абсолютизма».

Испанское Просвещение, в отличие от французского, не было производным от общественно-политической ориентированности «третьего сословия», но в основном привилегированного меньшинства заинтересованной в восстановлении державной мощи аристократии и духовенства. Объективным их стремлением было соединить новые просветительские и отчасти либерально-буржуазные ценности с былыми, патриотическими, провести модернизацию общества с учетом национальной специфики; приблизиться в своем, хозяйственном преимущественно, развитии к европейскому уровню, не разрушая при этом сложившихся в королевстве традиций.

Просветительно-рационалистическая мысль Испании при всех ее положительных сторонах и реформаторских хозяйственно-практических устремлениях соседствовала и переплеталась, в отличие от французского рационализма, с католической догматикой, не порывая с ней, искала компромисс между знанием и верой, в котором предпочтение не всегда и не во всем отдавалось знанию.

Проповедь безбожия, беспрепятственно, в сущности, воспринимавшаяся в Париже, не находила места в Испании с ее сильнейшим католическим менталитетом, и к тому же и вследствие того ее некому было распространять, и не к кому с нею обращаться. Почти не поколебленная рационалистическими, а тем более материалистическими сомнениями, приверженность религии и церкви составляла неотъемлемую черту испанской ду-

номистами и политическими деятелями XVII—XVIII вв. см.: Jovellanos. Elogio de Carlos III // Jovellanos. Obras escogidas. Clásicos castellanos (далее — Jovellanos. Ob. esc. C. c). Madrid. 1946. Т. III. (129). P. 69—71; 77—82. См. также: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.-Л., 1935. Т. I. С. 212; Т. II. С. 407, 408.

ховности и старинных университетов, часть которых или часть факультетов которых, несмотря на исходившие от королевской власти предписания придерживаться в образовании требований времени, продолжала вращаться в сфере средневековой рутины и схоластики¹ и вновь созданных экономических обществ, и самих просветителей, в том числе Ховельяноса, не преодолевших в себе теологического мировоззрения и рассматривавших в качестве истинной веры исключительно римско-католическую. Философской формой выражения их не ярко проявившегося свободомыслия являлась эклектика, главные составные элементы которой, деизм и пантеизм, колебались между крайне неглубоким и непоследовательным материализмом и идеализмом.

Половинчатый и умеренный характер мышления и целей просветителей обнаружился и в области социально-экономической и политико-правовой. Являясь убежденными сторонниками реформ, они возложили все свои надежды на осуществление проектируемых преобразований на «просвещенного» монарха, идеальным, в сущности, олицетворением которого, с их точки зрения, был Карлос III. И в этом смысле испанское Просвещение, ориентированное и ограничивавшееся верхними слоями общества, имело в значительной мере аристократический характер. Тем не менее рациональный «XVIII век характеризовался критическим настроением, который приводил в большинстве случаев к проявлениям холодной эрудиции...»² и который считался синонимом свободы.

Идеи зрелого национального Просвещения — органическое продолжение идей Просвещения раннего, первой половины XVIII в., развивавшегося также под знаком рационалистической критики всех сфер общественной жизни Испании, прежде всего хозяйственной. Критика упадка ее вызвала интерес к экономической литературе и соответственно — сочинению такой литературы. Авторы экономических трактатов стремились разрабатывать и обосновывать идеи, воплощение которых в жизнь объективно способствовало бы развитию в Испании буржуазных отношений. Основу методологии их сочинений составлял меркантилизм³.

¹ Navarro E. La Historia de España. Madrid. (s. a.). P. 470.

² Abadía J. L. Derecho histórico español. Barcelona. 1974. P. 575.

³ Идеи меркантилизма применительно к Испании разрабатывались прежде всего крупнейшим испанским экономистом Х. Устáрисом

Сущность раннего испанского Просвещения определена была воззрениями монаха-бенедиктинца Б. Х. Фейхóо-и-Монтенегро (1676—1764), профессора университета в Овьедо и его ректора, ознаменовавшими собой высшее достижение просветительской мысли Испании в первой половине XVIII в. и возвестившими начало нового периода в духовной жизни страны.

Полемика, поднятая Фейхóо и в дальнейшем подхваченная и развитая периодической печатью и учеными журналами, оказала влияние на формирование сколько-нибудь отвечающей требованиям времени культурной и интеллектуально-нравственной атмосферы в обществе. Она стала в известной мере критерием содержательности и показателем степени распространения просветительских тенденций в Испании. Поддержкой им начинает постепенно служить неуклонно укреплявшееся среди части дворянства, а также «третьего сословия» осознание полезности предлагаемых новых идей. Благодаря им, с одной стороны, соответствию испанскому национальному и религиозному духу, и земной, реальной устремленности — с другой.

Идейные влияния Бэкона, Декарта, Локка, Ньютона... трансформировались и соединились в сочинениях Фейхóо в несистемную просветительскую критику испанского бытия, наиболее существенным признаком которой являлась приверженность к идее опыта, практики и отрицания на этой основе наиболее одиозных социальных пороков и обветшалых интеллектуальных стереотипов. «Все его сочинения всегда имели единственный смысл: свести сверхъестественное к естественному»¹.

Тем не менее это не входило в очевидное противоречие с духовным миром мыслителя, первоочередное значение для которого имела вера. Он заявлял, что выдвигаемые им идеи ни в малейшей степени нельзя представлять в виде оппозиционных католиче-

в труде «Теория и практика торговли вообще и морской, в частности» (Uztáriz J. *Theórica y práctica de Comercio y de Marina*. Madrid. 1724), «настоящем памятнике экономической науки». См.: Jovellanos. *Elogio de Carlos III* // Jovellanos G. M. de. *Obras publicadas e inéditas, colección...* por Necedal C. Biblioteca de Autores Españoles (далее — Jovellanos. *Obras*.) Madrid. 1933. Т. I (46). P. 77. См. также: *Diccionario enciclopédico Espasa*. Madrid. 1989. Т. 5. P. 439.

¹ Abellán L. J. *Historia crítica del pensamiento español*. Madrid. 1981. Т. III. P. 495.

ской религии, равно как и полностью согласующимися с существовавшими толкованиями о предполагаемом или действительно естественном происхождении и развитии природного мира¹.

Он, «гражданин республики Знаний»², «умел объединить живой дух устремленности к обновлению с покоем прошлого»³, соединяя в себе искреннее желание видеть свою страну в общем потоке передовой хозяйственной и культурно-интеллектуальной жизни Европы и в то же время сильную веру в католические догматы.

Этими идейными особенностями и устремлениями отличалось испанское Просвещение и в период высшего своего развития, во второй половине XVIII в.

Его теоретическое оформление, несмотря на воздействие английской просветительской мысли, отчасти итальянской и немецкой, но в большей мере — французской (преимущественно, правда, через критическое восприятие или отторжение ее, особенно во время революции 1789—1794 гг.), совершалось самобытным путем, на основе национальных источников, «что было бы ошибочным игнорировать или же забывать об этом»⁴.

Испанские просветители при выработке своего «глубоко национального»⁵ мировоззрения опирались в первую очередь на богатые отечественные и европейские философские традиции, в том числе «светские», материалистические их начала; традиции исторической, социально-экономической, политико-правовой и естественнонаучной мысли, разделяя в то же

¹ См., напр.: Feijóo. Teatro crítico universal // В. А. Е. Madrid. 1923. V. I. P. 122—155; 197—206; там же: Cartas eruditas y curiosas. Madrid. 1928. V. IV. P. 74. См. также, напр.: Cadalso J. Cartas Marruecas. Madrid. 1935. P. 254—263; Fraile G. Historia de la filosofía española. Op. cit. V. II. P. 25; Herr R. The Eighteenth-Century Revolution in Spain. Princeton. 1958 (далее — Herr R.). P. 37—40; Marañón G. Evolución de la Gloria de Feijóo. Oviedo. 1955; ero же: Nuestro siglo XVIII y las Academias // Vida e historia. Madrid. 1980. P. 44—93; Pedrayo R. O. El padre Feijóo. Su vida, doctrina e influencias. Orense. 1972; Abellán L. J. Historia crítica del pensamiento español. Op. cit. T. III. P. 491—508.

² См., напр.: Pedrayo R. O. El padre Feijóo... Op. cit. P. 117.

³ См.: Marañón G. Nuestro siglo XVIII y las Academias // Vida e historia. Op. cit. P. 77.

⁴ Derozier A. Escritores políticos españoles (1789—1854). Madrid. 1975. P. 16.

⁵ Gallego M. Los orígenes de la España contemporánea. Madrid. 1975. T. I. P. 11.

время христианско-католические концепции многочисленных теологов, включая иноземных¹.

Концептуальная эклектика испанского Просвещения придавала ему одновременно и своеобразную духовную самобытность: выразившие его идеи, как сформулированные на национальной интеллектуально-нравственной почве, так и почерпнутые, но творчески переосмысленные и приспособленные к условиям жизни Испании, составили оригинальное явление в философской и общественно-политической мысли страны и в целом Западной Европы.

«Антинаучность»² не отвечавшего фактической стороне дела тезиса об отсутствии в испанском Просвещении национальной идейной основы, преимущественной его зависимости от просветительского менталитета Франции, что получило отражение в специфическом термине «офранцузенность» («*afrancesamiento*»)³, были опровергнуты историко-политическими и политико-правовыми трудами Ховельяноса⁴.

¹ См., напр.: Jovellanos G. M. de. Reglamento literario e institucional, extendido para llevar a efecto el plan de estudios del colegio imperial de Calatrava, en la ciudad de Salamanca (далее — Jovellanos. Reglamento...) // Jovellanos. Obras. Madrid. 1933. Т. I (46). P. 204—208.

² Fraile G. Historia de la filosofía española. Op. cit. V. II. P. 7.

³ Этим термином обозначалась исключительная якобы приверженность Франции («французомания», «галломания»), подражательность, в данном случае — ее идейным образцам. Взгляд, распространявшийся, впрочем, на большинство сторон тогдашнего испанского бытия и стремившийся представить второстепенность Испании по сравнению с Францией. Разделялся всеми французскими просветителями. См., напр.: Вольтер. Философские повести. М., 1985. С. 400—404; Монтескье. Персидские письма. М., 1956. С. 191.

Напротив, «*afrancesamiento*», как относительно локальный феномен общественной жизни Испании, рассматривали, например, классик испанской литературы Б. П. Гальдос. См.: 19 марта и 2 мая. Байлен. Наполеон в Чамартине. М., 1972; Хуан Мартин эль Эмпесинадо. Сражение при Арапилях. М., 1975. С. 216—219; 349—354, известный философ Х. Ортега-и-Гассет. Цит. С. 529—531; 585—587. Специально об этой дискуссионной проблеме см., напр.: Artola M. Los afrancesados. Madrid. 1976.

⁴ Подчеркивалось это обстоятельство также К. Марксом в связи с принятым им анализом классовой сущности и духовной природы Конституции 1812 г. (Кадисской). Отстаивая исконность конститу-

Своеобразие позднего испанского Просвещения складывалось из идей, которые выработали «наиболее видные писатели и государственные деятели XVIII века» — П. де Аранда (1718—1798), П. де Кампоманес (1723—1803), П. де Олавиде (1725—1803), Х. де Флоридабланка (1728—1808). Без их творческой и практической деятельности «не были бы достаточно ясны судьбы Испании в XIX в.»¹. Они, отчетливо осознавая требования

ционного мышления составителей первого, но самого радикального документа испанского либерализма XIX в., генетически связанного с политико-правовыми воззрениями национальных просветителей, он делал вывод, что этот документ «представляет собой самобытное и оригинальное порождение умственной жизни Испании, возрождающее древние и национальные учреждения». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 10. С. 467, 463—467, 444.

Вывод К. Маркса близок смыслу тех идей, которые выразили по этому поводу Ховельянос, а позднее видный испанский дипломат Ф. Сеа Бермудес, убеждавший в 1812 г. канцлера России Н. П. Румянцева в том, в частности, что для создания Кадисского «кодекса» «не надо было обращаться к иностранным источникам. Древние законы монархии — его единственные источники. В нем нет ни одного положения, которое не было бы торжественно записано в основных законодательных кодексах Арагона, Наварры и Кастилии». Цит. по: Додолев М. А. Россия и Испания 1808—1823 гг. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 42.

¹ Трачевский А. Испания девятнадцатого века. М., 1872. С. 11; Altamira y Crevea R. Historia de España y de la civilización española. Barcelona. MCMXXIX (далее — Historia de España...). Т. IV. P. 134. См. следующие, например, о них или их творчестве работы: Defourneaux M. Pablo de Olavide ou l'Afrancesado (1725—1803). Paris. 1959; Alvarez Requejo F. El onde de Campomanes. Su vida histórica. Oviedo. 1954; Rumeu de Armas A. El testamento político del conde de Floridablanca. Madrid. 1962.

Педро Пабло Абарка-и-Болеа, граф де Аранда — сторонник прогрессивных реформ, великий мастер испанского масонства. Глава испанского правительства в 1766—1773 гг. В 1792 г. вновь возглавлял правительство, но вскоре был заменен М. Годоем.

Кампоманес, Педро Родригес, граф де — видный экономист, министр финансов (1763—1791), много содействовал хозяйственному развитию и реформированию в просветительском духе системы образования в Испании.

Олавиде, Пабло де — губернатор Севильи, друг французских просветителей, переводчик Вольтера.

Хосе Моньино-и-Редондо, граф де Флоридабланка — талантливый администратор, премьер-министр в правительствах Карлоса III

времени, стремились убедить общество в необходимости проведения в королевстве объективно буржуазных по содержанию, эволюционных по форме преобразований и, реализуя их, вывести Испанию из состояния «декаданса»¹.

В плеяде национальных просветителей основная роль во всестороннем обосновании и наиболее радикальном формулировании этого вопроса, согласно выводу мировой испанистики, принадлежит Г. М. де Ховельяносу, одному из ярких и, в высшей степени из-за противоречивости его воззрений, сложных представителей европейской философской и общественно-политической мысли Нового времени².

В самом деле, если культурная сторона жизни Испании XVIII в. отождествляется с художественным величием Ф. Гойи, то ее теоретический общественный аспект — с идейным новаторством и интеллектуальным энциклопедизмом Ховельяноса.

Для известного итальянского специалиста по проблемам европейского Просвещения Ф. Вентури, например, Испания XVIII в. — вообще страна исключительно «Гойи и Ховельяноса»³.

Многочисленные авторы разных стран и эпох, признавая Ховельяноса выдающейся личностью, далеки от единодушия, когда речь идет о смысле выдвинутых им идей.

Субъективное восприятие — не единственная причина различного прочтения наиболее важных из них. Выработанные Ховельяносом на рубеже XVIII—XIX вв., в условиях сосуществования устойчивой феодальной структуры, традиционалистского менталитета и слабых ростков буржуазных хозяйственных отношений, а также сложностей исторического движения самого феодализма, они не могли не вобрать в себя и не отразить всю гамму противоречий переломного этапа, двойственного содержания испанского Просвещения. Историческая данность объективно

и Карлоса IV (1777—1792). Резко негативно воспринял Французскую революцию, до конца жизни оставшись после этого на крайне консервативных позициях.

¹ Anes Álvarez G. *Economía e «ilustración» en la España del siglo XVIII*. Barcelona. 1969 (далее — Anes Álvarez G. *Economía e «ilustración»...*). P. 97.

² См., напр.: Fraile G. *Historia de la filosofía española*. Op. cit. V. II. P. 46. Polt J. *Gaspar Melchor de Jovellanos*. New York. 1971. P. 1; Майский И. М. *Испания 1808—1917*. М., 1957. С. 56.

³ Venturi F. *Utopia e Riforma nell' Illuminismo*. Torino. 1973. P. 166.

создавала основание доказать справедливость своих аргументов, быть правыми и одновременно не правыми полемизировавшим относительно идейного наследия Ховельяноса сторонам.

Ховельянос, кроме того, сам создавал основание для противоречивых оценок себя как мыслителя — олицетворения компромисса между модернизмом и традиционализмом, сложного их напластования и соединения, видя в каждом явлении две стороны — положительную, с его точки зрения, и точно так же, как ему представлялось, — отрицательную. Работая во имя новой эпохи, он продолжал верить и пропагандировать в качестве, например, теолога-моралиста ценности еще не ушедшей старей. Разделяя традиции последней, он в то же время доказывал жизненную необходимость безусловного ее обновления.

Суждения о Ховельяносе менялись в зависимости от изменения общественных и политических ситуаций, в условиях которых приходилось работать исследователям; их личных научных интересов и вкусов; собственного видения проблемы и степени ее изученности; политических пристрастий и стремления доказать необходимое им и нередко абсолютизировавшим в силу всего этого какую-либо из идей или аспектов мировоззрения просветителя, представляя его тем самым выразителем и апологетом исключительно таковых.

Исследователи в большинстве своем стремились найти и определить требовавшееся конъюнктурой момента отношение к концепциям просветителя для подкрепления собственных идеологических представлений, хотели видеть в нем только своего идейного предтечу, доказывая его принадлежность к их духовной и политической линии.

Противоречивые суждения распространялись не только на творческое наследие Ховельяноса, но и на него самого как личность. Утвердилось, например, что аристократ по происхождению и мировоззрению, он в силу понимания и близкого восприятия интересов «народа» и их защиты, рассматривается как демократ; убежденный католик — изображается одним из наиболее опасных врагов церкви и инквизиции; либерал по складу ума и образу деятельности — объявляется консерваторм; боровшийся за независимость и прогресс, как немногие это делали из испанских просветителей, он был во мнении своих антагонистов — «офранцузенных» — реакционером... При

необходимости, впрочем, такие и многие другие оценки Ховельяноса можно прочесть в обратном смысловом порядке...

Этих характеристик определено достаточно, чтобы прийти обращаясь к анализу противоречивых воззрений мыслителя и пытающимся найти объяснение соединению их в одном лице к выводу о некоей загадочности и возможной эклектичности системы его идей.

Несомненная противоречивость взглядов Ховельяноса, проявляющаяся при чтении любых его работ, в которых рассматривался, по признанию самого Ховельяноса, нередко описательно¹, самый широкий круг вопросов, замысловато переплетались многочисленные, относившиеся к различным идеологическим системам концепции, разным сферам знания (не дифференцированного) противоречащие друг другу идеи, преисполнена, однако, целенаправленной, подчиненной задачам реформирования страны логики.

Воззрения просветителя приводятся в обладающую концептуальной определенностью систему представлений, вбирающую в себя естественно, как «высший синтез»², все присущие им контрасты, если при анализе их исходить по меньшей мере из двух обстоятельств. Во-первых, из противоречивых особенностей исторической ситуации, обуславливавшей их сущность и, следовательно, что они принадлежат в равной степени «двум Испаниям» — феодально-консервативной и буржуазно-либеральной, просветительской и традиционалистской³. Во-вторых — из воспринятого им от классиков античности в качестве дидактического принципа меры — «золотой

¹ См., напр.: Jovellanos. Discurso dirigido a la Real Sociedad de Amigos del País de Asturias, sobre los medios de promover la felicidad de aquel Principado (далее — Jovellanos. Discurso... sobre los medios de promover la felicidad de aquel Principado) // Jovellanos. Obras. T. II (50). P. 441, 443, 447, 450.

² Abellán J. L. Estudio preliminar // Gaspar Melchor de Jovellanos. Poesía. Teatro. Prosa. Madrid. 1979. P. 10; 8—10.

³ Этим, кстати, Ховельянос выразил себя в качестве предтечи крайне политизированной теории двух традиций в испанской культуре, «большого спора об Испании», «испанской идеи», получивших активное и подчас бескомпромиссное, как в творчестве, так и в революционной практике, продолжение в XIX и XX в.

середины», — и с позиций которого — неприятия крайностей и примирения их — расценивал он общественные явления, но который применительно к воззрениям Ховельяноса остался без надлежащего внимания со стороны исследователей.

Исследователи при этом единодушны в одном. Является бесспорным, хотя полностью до сих пор не раскрытым, вывод о сугубо «практической», реформаторской ориентированности идей просветителя, опережавших свое время, нацеленных на социально-политическое переустройство испанского общества и частично не утративших до сих пор своей значимости¹.

Творческая мысль уделила Ховельяносу большое внимание, издавая собрания его сочинений², посвятив ему множество различных суждений в общих трудах и мемуарах, прежде всего многочисленные биографические очерки, предисловия, монографии, начавшие активно выходить со второй половины XIX в., и т.д.³

Ховельянос — один из наиболее привлекающих внимание европейских и американских исследователей мыслитель и единственный из испанских просветителей, разгадку сущности идей которого с интересом стремятся найти до сих пор и без выяснения которого не представляется возможным реконструировать процесс формирования идеологических предпосылок испанских революций.

Интерпретация творчества просветителя вошла в традицию с начала XIX в. Она сразу же обрела характер отрицающих друг друга толкований его идей по линии преимущественно — абсолютист или конституционалист, традиционалист или

¹ См., напр.: García G. El espíritu del siglo XVIII y la personalidad de Jovellanos. Oviedo. 1971. P. 98; Carrión P. Los latifundios en España. Barcelona. 1975; Madrid S. La transformación democrática de la agricultura. Madrid. 1977. Т. II. P. 9—11.

² Начиная с 1830 г. — девять полных, пять избранных; много изданий отдельных произведений просветителя. См., напр.: Sainz de Robles F. C. Ensayo de un Diccionario de la Literatura. T.II. Escritores españoles e Hispanoamericanos. Madrid. 1953. P. 559; Simón Díaz J. Manual de Bibliografía de la Literatura española. Madrid. 1980. P. 569.

³ См., напр.: Bibliografía // Río A. del. Introducción // Jovellanos. Obras escogidas. Clásicos castellanos (далее — Ob. esc. C. c.). Т. I (110). P. CXXXVII, CXXXVIII; Risk L. L. Bibliografía crítica de Jovellanos: 1901—1976. Oviedo. 1977.

реформатор (отвлекаясь при этом от просветительской сущности его мировоззрения), революционер по убеждениям или обстоятельствам, и оценка которых сторонниками любой из названных точек зрения отличалась лишь оттенками.

Никогда до конца не иссякавший в испанском общественном сознании интерес к идеям Ховельяноса заметно усилился, приобретя поистине актуальное звучание во второй половине XX столетия, когда необычайно актуально, как и на рубеже XVIII—XIX вв., перед Испанией вновь встал вопрос о перспективах развития. Ответом национальной историографии на крах франкистского режима и демократизацию в стране и результатом самой демократизации явилось очередное обращение к трудам Ховельяноса, все из которых, отмечая противоречивость его воззрений и деятельности, констатировали в целом реформаторскую их направленность¹.

Наиболее значительной работой явилось двухтомное исследование «Ховельянос, потерявшийся испанец» Г. Гóмеса де ла Серны, самое, пожалуй, содержательное к настоящему времени по этому вопросу. Основываясь на изучении громадного количества материалов, автор пришел к выводу о компромиссном характере воззрений Ховельяноса², являющимся, в сущ-

¹ См., напр.: Luca F. de. *Tres aspectos en la obra de Jovellanos*. Madrid. 1975; Caso González J. M. *El pensamiento pedagógico de Jovellanos y su Real Instituto Asturiano*. Oviedo. 1980; Fernández de la Cigona F. *Jovellanos, ideología y actitudes religiosas, políticas y económicas*. Madrid. 1983; Baras Escola F. *El reformismo político de Jovellanos: (nobleza y poder en la España del siglo XVIII)*. Madrid. 1993.

² Так, разъясняя вложенный в название работы смысл, Г. Гóмес де ла Серна писал, что Ховельянос «принес себя в жертву революции и реакции одновременно, потерявшись для испанцев в том раздоре, который охватил их позднее, потерявшись... для идеи Испании... состоявшей, по мысли просветителя, из «исторической конституции Испании» и прогрессивных концепций того времени и реализуемой эволюционным путем на основе просвещения людей в духе владевшего тогда европейским сознанием либерализма в качестве корректива той самой «исторической конституции». Этого не дали сделать сторонники ни первой, ни второго. Испанец,... потерявшийся между теми и другими, являл собой поистине великую жертву. Ибо вся его жизнь... была связана с такой Испанией, которую не дали сделать. Без нее же Ховельянос не существует... Испания эпохи Про-

ности, окончательно выкристаллизовавшимся и повторяющимся в вышедших позднее трудах¹.

Многие аспекты испанского Просвещения в целом, в том числе связанные с мировоззрением его представителей, нашли отражение в исследованиях европейских и американских авторов.

Сочинения французского и американского испанистов — Ж. Саррайя и Р. Гэрра — наиболее крупные пока обзорные труды по проблемам общественной и духовной жизни Испании второй половины XVIII в.²

Авторы, разделив идею — «не знает Испании XVIII в. тот, кто считает, будто история этого века заключала в себе лишь заимствование и подражание»³, — не приняли точку зрения об исключительности влияния идей французского Просвещения на испанское и недооценку его самостоятельности, в том числе и со стороны зарождения в нем либеральной идеологии. Например, Р. Гэрр, выдвинув положение, что «либерализм вступил на землю Испании с обозами наполеоновской армии», вынужден был в итоге обратиться за выяснением этого вопроса к временам Просвещения⁴.

Английскому испанисту Д. Поулту принадлежит единственная в мировой ховельянистике работа о воздействии идей

свещения, которую он, как никто другой, олицетворял собой, была не только первой попыткой приблизиться к Испании современной, но — многообещающих усилий ума и патриотических чувств, предшествовавших распаду Испании на две части... и которые... могли и должны были бы продуктивно использованы для будущего нашей страны». Gómez de la Serna G. *Jovellanos, el español perdido*. Madrid. 1975. T. I. P. 12, 13.

¹ Varela J. *Jovellanos*. Madrid. 1988; Fernández Álvarez M. *Jovellanos*. Madrid. 1988; Caso González J. M. *Jovellanos*. Madrid. 1998.

² См.: Sarrailh J. *L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIII siècle*. Paris. 1954 (далее — Sarrailh J. *L'Espagne éclairée...*); Herr R. *The Eighteenth-Century Revolution in Spain*. Princeton. 1958.

³ Menéndez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos españoles*. Buenos Aires. 1946. T. IV. P. 7. См. также: Marañón G. *Nuestro siglo XVIII y las Academias // Vida e historia*. Madrid. 1980. P. 44.

⁴ См.: Herr R. *The Eighteenth-Century Revolution in Spain*. Op. cit. P. I. Preface; см. также: Pérez G. *La economía y los reaccionarios al surgir la España contemporánea*. Madrid. 1974 (далее — Pérez G. *La economía y los reaccionarios...*). P. 101, 102.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru